

Шмаков Владимир Алексеевич

**Священная книга Тота. Великие арканы
Таро. Абсолютные начала синтетической
философии эзотеризма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
В57

В57 **Владимир Алексеевич Ш.**
Священная книга Тота. Великие арканы Таро. Абсолютные начала синтетической философии эзотеризма / Шмаков
Владимир Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 513 с.

ISBN 978-5-521-31349-5

ISBN 978-5-521-31349-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Я не боюсь людей, ибо не жду и не желаю
отъ нихъ ничего».

А. Сентъ-Ивз д'Альвейдръ¹⁾.

Культура конца XIX вѣка, ея характеръ и первенствующія стремленія суть слѣдствія усилій и исканій человѣческаго рода за послѣднія восемь—девять столѣтій. Крестовые походы и ростъ императорской власти положили предѣлъ теократическому направленію жизни Европы, явились заключительнымъ актомъ эпохи, когда все зиждилось на исключительномъ стремленіи къ религіознымъ идеаламъ. Первые гуманисты, начиная съ Франческо Петрарки и Джіованни Боккаччіо, положили основаніе новой эрѣ, воздвигнувъ новое знамя, поставивъ новую цѣль человѣческимъ стремленіямъ²⁾. Кругъ друзей Козимо и Лоренцо Медичи, воспринявъ идеи Петрарки и Боккаччіо, выработалъ начала міровоззрѣнія, предначертавшаго весь послѣдующій ходъ міровой исторіи. Понявъ бесплодность метафизическихъ изысканій, разъ они не связаны съ данными эмпирическаго опыта, гуманисты поставили своимъ девизомъ изученіе прежде всего того, что можетъ быть изслѣдовано эмпирическимъ путемъ. Время расцвѣта гуманизма и успѣха реформации есть начало современной науки, ибо все то, что составляетъ гордость технической культуры, было достигнуто человѣкомъ лишь начиная съ XV вѣка. Именно съ этой поры всѣ усилія человѣческаго рода всецѣло направились къ изученію *отдѣльных* явленій, къ изслѣдованію *отдѣльных* вопросовъ и къ созиданію *отдѣльных* отраслей человѣческаго знанія³⁾.

Такъ продолжалось до конца XVIII столѣтія, когда произошелъ великій переломъ исторіи: отъ изученія *единичныхъ* вещей человѣкъ перешелъ къ стремленію познать ихъ *синтезъ* и вѣкъ энциклопедистовъ въ преемственной его связи со столпами эмпирической философіи есть эпоха созиданія человѣчествомъ синтеза всего познаннаго на пути предыдущихъ вѣковъ.

Однако, столь долго идя исключительно опытнымъ путемъ, основываясь лишь на внѣшней, формальной, сторонѣ явленій, разумъ человѣческій и теперь, естественно, сталъ искать синтезъ *въ томъ же самомъ модусѣ сознанія*, стремился найти *эмпирическій синтезъ*, т. е. непосредственно ощущаемую первооснову. Таковой первоосновой явилась *матерія* и это ученіе, обобщаемое со всѣми раз-

¹⁾ Saint-Yves d'Alveydre. «Mission de l'Inde en Europe». La question du Mahatma et sa solution. Dorbon-Ainé, Paris.

²⁾ См. «Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія.» Критическое изслѣдованіе Михаила Корелина. Москва. 1892 г.

³⁾ Поэтому глубоко справедливо замѣчаніе Виндельбанда, что «культура Возрожденія началась въ индивидуализмѣ».

личными его частными теченіями, есть то, что извѣстно подъ именемъ *матеріализма*.

XIX вѣкъ—это эпоха, когда человѣкъ стремился утвердить свой гипотетическій синтезъ, стремился выявить его во всей полнотѣ, претворить въ реальность и связать со всѣми дифференціальными деталями. Этотъ вѣкъ есть, въ дѣйствительности, лишь заключительный аккордъ долгаго пути; именно въ теченіе него человѣческія исканія вылились во вполне опредѣленную форму, достигли, казалось, конечныхъ ступеней своего развитія. Настало время, когда, по всецѣло господствовавшему мнѣнію, оставалось сдѣлать лишь послѣдніе заключительные штрихи, чтобы закончить вполне величественный Храмъ Знанія ¹⁾. Это было грустное время, потому что *самое знаніе человека начало давить его*. Все было такъ ясно, такъ опредѣленно, что вся будущая жизнь людей должна была, казалось, быть посвящена лишь круплезнаму анализу давно извѣстныхъ фактовъ. Отдѣльные открытія, изученные законы и вполне достовѣрныя гипотезы такъ слились между собою, такъ проникли взаимно другъ друга, образовали столь совершенно замкнутое цѣлое, что въ будущемъ нечего было ждаты сколько—нибудь значительныхъ открытій. Большинство представителей почти всѣхъ отдѣльныхъ отраслей знанія человѣческаго открыто признавало, что вѣкъ великихъ гениальныхъ открытій конченъ, что будущее исторіи науки будетъ лишено яркихъ красокъ, что оно будетъ представлять изъ себя лишь гигантскую совокупность тщательнѣйшихъ повторныхъ опытовъ и детальныхъ изслѣдованій. Духъ живой отлетѣлъ отъ людей, жизнь потеряла всякую цѣнность, ибо хотя грандіозный успѣхъ позитивной науки и техники и давалъ всѣ удобства жизни, но всѣмъ высшимъ запросамъ человѣческаго существа вовсе не оставалось мѣста. Все, что есть въ человѣкѣ чистаго, высокаго и прекраснаго, этою культурою совершенно *игнорировалось*, за нимъ отрицалась всякая реальность, всякая субстанціональная цѣнность и лишь въ лучшемъ случаѣ *терпѣлось*, какъ забава и отдыхъ, на различныхъ «фабрикахъ удовольствій» ²⁾. Идеаловъ не стало, ибо отрицалась самая возможность чего-либо высшаго, чѣмъ сама жизнь. Тождественность природы синтеза съ единичными явленіями породила коллективизмъ и поставила его на мѣсто синтеза; не только индивидуальность, но и личность исчезла; воцарилось царство толпы—этого естественнаго образа матеріальнаго синтеза, пародіи Синтеза Истиннаго ³⁾.

Несмотря на пышность формы созданнаго имъ знанія, человѣкъ, тѣмъ не менѣе, непрестанно наталкивался на противорѣчія. Онъ не только откидывалъ, какъ иллюзію, даже реальность собственнаго самосознанія, но и чувствовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что все его знаніе на вѣки безсильно дать отвѣтъ на какой-либо вопросъ, какъ только онъ касается *сущности явленій*. Человѣчество выстроило грандіозное знаніе на песокѣ, на раздробленныхъ единичныхъ свѣдѣніяхъ, не связанныхъ между собой, оно приняло за основаніе міръ явленій, забывъ,

¹⁾ Эти мысли являются характерными большинству философовъ послѣдняго времени. Съ особенной яркостью эти идеи развивались Огюстомъ Контомъ и Джономъ Стюартомъ Миллемъ; см. также Тиндаль въ его «Fragments of Science» p. 362. Насколько наивно было заблужденіе крайнихъ позитивистовъ—особенно ярко свидѣтельствуетъ хотя бы тотъ фактъ, что не прошло 5 лѣтъ, какъ О. Контъ намѣтивъ предѣлы науки—поставилъ среди «ignotabimus»—возможность изученія состава небесныхъ тѣлъ, какъ былъ открытъ спектральный анализъ и огромная область невѣдомаго и непостижимаго сдѣлалась сразу хотя еще и неизвѣстной, но уже открытой постиженію испытующаго человѣческаго гениа.

²⁾ См. Густавъ Лебонъ «Психологія социализма».

³⁾ См. Борисъ Демчинскій. «Сокровенный смыслъ войны». Петроградъ. 1915.

что всѣ части его вѣчно перемѣщаются по отношенію другъ къ другу. Вотъ почему, когда извнѣ сферы эмпирическаго опыта, изъ глубинъ духа человѣческаго, послѣдовалъ ударъ, все величественное знаніе должно было пасть, смытое волнами, хлынувшими изъ внѣсознательной стороны человѣческаго существа¹⁾. Человѣкъ не сумѣлъ сразу создать истинный синтезъ, онъ выявилъ всѣ слѣдствія изъ начальныхъ постулатовъ, но онъ и не пытался подвергнуть ихъ своимъ анализу, затемняя вопросъ или попросту открыто сознаваясь въ своемъ безсиліи. *«Все извѣстно, все объяснено, все слѣдуетъ одно изъ другого, но все одинаково непонятно»*—вотъ лозунгъ отошедшей эпохи.

Начало XX вѣка—это рѣзкій переворотъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой мысли. Родилось непоколебимое стремленіе къ анализу конечныхъ причинъ, подверглись изученію всѣ тѣ первоосновы, всѣ тѣ постулаты, на которыхъ зиждилась наука въ продолженіе столькихъ вѣковъ. Если періодическая таблица Менделѣева перевела химію въ совершенно иную, несравненно болѣе высокую плоскость, если выѣшенное рожденіе элементовъ стало невольнo наталкивать человѣческую мысль на единство природы, то открытіе радія нанесло смертельный ударъ всѣмъ, бывшимъ до тѣхъ основными, космическимъ гипотезамъ. И вотъ, въ теченіе какихъ-либо 20—30 послѣднихъ лѣтъ, за срокъ совершенно ничтожный въ привычномъ масштабѣ исторіи, всѣ основы науки пошатнулись въ самыхъ корняхъ своихъ. Если время и пространство, эти основные модусы мышленія, были поколеблены Кантомъ, Шопенгауеромъ, Лобачевскимъ и Риманомъ, то открытіе принципа относительности Эйнштейномъ²⁾ и теорія М. Аксенова и Германа Минковского³⁾ окончательно показали нелѣпость приписыванія общепринятымъ воззрѣніямъ на нихъ хотя бы доли реальности. Принципъ относительности сдѣлалъ невозможнымъ самый приступъ къ ученію о пространственности и протяженіи во времени, какъ о первичныхъ категоріяхъ вселенной, а вмѣстѣ съ электро-магнитной теоріей свѣта Мансуэлла онъ окончательно убилъ гипотезу объ эфирѣ⁴⁾. Матерія потеряла субстанціональность своего бытія и претворилась лишь въ кристаллизированную энергію черезъ открытіе радія и дематеріализаціи матеріи⁵⁾. Ученіе объ

¹⁾ Именно объ этомъ и говоритъ притча Христа о построеніи зданія на песокъ и на камень.—Евангеліе отъ Матвея VII, 24—27. Песокъ разрозненный и не способный сохранять приданную форму—есть олицетвореніе разрозненныхъ случайныхъ явленій феноменальной природы; камень есть эмблема твердости и устойчивости синтеза, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и источникъ отдѣльныхъ манифестацій; онѣ рождаются изъ него, какъ изъ камня рождается песокъ.

²⁾ См. проф. Хвольсонъ. «Принципъ относительности». С.-Петербургъ. 1914.—Открытіе этого принципа относится къ 1904—1905 гг.

³⁾ М. Аксеновъ первый создалъ теорію о природѣ времени, какъ четвертой координатѣ протяженія. Идеи Аксенова претерпѣли ту же участь, какъ и въ другія гениальныя русскія открытія, т. е.—были осмѣяны и забыты. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Германъ Минковский, совмѣстно съ Эйнштейномъ, не провозгласилъ новаго ученія на съѣздѣ естествоиспытателей въ Кёльнѣ въ 1908 г. и, такимъ образомъ, мысли нашего соотечественника не получили блистательнѣйшаго подтвержденія. Изъ трудовъ М. Аксенова см.—«Трансцендентально-кинетическая теорія времени».—1896 и «Опытъ метатегометрической философіи». Москва. 1912.

⁴⁾ См. знаменитый опытъ Майкельсона (Michelson) и Морлея (Morley), показавшій постоянство скорости свѣта внѣ зависимости отъ прямолинейнаго равномернаго движенія земли. Работы Лоренца, Эйнштейна, Минковского, Планка и др. совершенно ликвидировали гипотезу объ эфирѣ. На русскомъ языкѣ см.—Ла-Роза. «Эфиръ—исторія одной гипотезы» переводъ Хвольсонъ подъ редакціей проф. О. Д. Хвольсона. С.-Петербургъ. 1914.

⁵⁾ Изъ книгъ на русскомъ языкѣ о дематеріализаціи матеріи см.: д-ръ Густавъ Лебоаъ «Эволюція матеріи» и «Эволюція силъ» переводъ инж. Бычковскаго Петербургъ 1911—въ двухъ выпускахъ. проф. Жакъ Беккерель.—«Эволюція матеріи и міровъ» переводъ Г. А. Гуревича. Москва. 1913.

енергіи пыталось одно время стать на мѣсто матеріалистическихъ воззрѣній, но законъ энтропіи, въ связи съ безконечностью вселенной во времени, своей собственной силой, логически дѣлаетъ невозможнымъ самое ея существованіе¹⁾. Такимъ путемъ, у величественнаго зданія матеріалистической науки XIX в., бывшаго еще отолъ недавно, назалооъ, почти законченнымъ, теперь выбиты всѣ основанія²⁾.

Въ настоящее время мы вновь переживаемъ время ломки стараго научнаго зданія, но такой ломки, которой не знаетъ исторія науки, и которая по обширности и основательности далеко оставляетъ за собой всѣ прежнія, всѣ, которыя выше были нами приведены въ видѣ примѣровъ. Эта ломка, этотъ несслыханный по своей грандіозности научный переворотъ, прежде всего, тѣмъ замѣчательнъ, что онъ почти одинаково затрагиваетъ всѣ отдѣлы физики. Ни одна изъ частей великаго научнаго зданія, сооруженнаго работой нѣсколькихъ столѣтій, не остается въ прежнемъ ея видѣ; всѣ онѣ до основанія разрушаются, вся физика замѣняется новою. Но это еще не все! Разрушается не только наука, составляющая достояніе сравнительно немногихъ, но въ самомъ корнѣ переиначиваются наиболѣе основныя, элементарнѣйшія представленія обыденной жизни, съ которыми мы свыклись съ малолѣтства, которыя казались неподлежащими никакой критикѣ, никакому сомнѣнію. Разрушаются даже такія истины, которыя никогда и никѣмъ не высказывались, не подчеркивались, потому что онѣ казались самоочевидными, и потому, что ими безсознательно пользовались всѣ и клали ихъ въ основу всевозможныхъ разсужденій».

Заслуж. орд. проф. СПб. Универ. О. Д. Хвольсонъ³⁾.

Наступающая эпоха безконечно отлична отъ только что минувшей; она есть время перелома, подведенія итоговъ, исканія новыхъ путей, выявленія новыхъ цѣлей. Всѣ виды мышленія, всѣ отрасли науки испытали полный внутренній переворотъ, они измѣнились настолько, что подчасъ съ прошлымъ ихъ связываетъ одно лишь названіе. Для человѣка, стоящаго во внѣ этихъ новыхъ идей, этотъ великій переломъ всемірной исторіи проходитъ безслѣдно, но онъ не можетъ не чувствовать его, ибо перевороту въ сущности соответствуетъ и пере-

1) Законъ Карно-Клаузіуса—основной принципъ термодинамики былъ сформулированъ послѣднимъ (въ 1865 г.) такъ: «Энергія вселенной постоянна, энтропія вселенной стремится достигнуть максимума».—Наука XIX вѣка пришла къ синтетическому выводу, что вся жизнь вселенной, всѣ проявленія ея энергіи суть *слѣдствія разностей потенциаловъ*. Законъ энтропіи выражается въ томъ, что всѣ формы энергіи переходятъ въ теплоту, которая уже не можетъ быть *въ принципѣ* цѣлкомъ переведена обратно въ механическую энергію. Теплота разсѣивается въ космическомъ пространствѣ, а потому *космическая совокупность разностей энергитическихъ потенциаловъ постоянно уменьшается*. Матерія есть гигантскій резервуаръ кристаллизированной нуклеоатомной энергіи, но все же *конечный*. Если міръ существуетъ вѣчно, то вся совокупность энергіи неминуемо должна была бы уже разсѣяться. Очевидно, что въ мірѣ, кромѣ начала, ведущаго энтропію къ *максимуму* и вызывающаго «смерть теплоты» (Wagmetod—по выраженію Клаузіуса), должно быть другое Начало, ведущее энтропію къ *минимуму*, т. е. вновь создающее разность потенциаловъ. Что же это за Начало?—наука XX вѣка оставилась на этомъ вопросѣ—и вотъ здѣсь то къ ней на помощь теперь должно придти Герметическое ученіе о исходныхъ причинахъ Бытія. Это Начало есть Духъ, Истинная Субстанція, Богъ.—Энергія, теряемая разрушающимся міромъ, поглощается Космическимъ Логосомъ, и обратно,—паденіе и дифференціація Логоса есть созданіе матеріальной вселенной. Оба эти процесса вѣчны и непрерывны, взаимно другъ друга обуславливаютъ и утверждаютъ.—Доказательство этой доктрины и составляетъ цѣль настоящаго труда. О значеніи закона энтропіи въ «скаваномъ смыслѣ см.: Клеркъ Максуэлль—«Theory of Heat» р. 245 и Стэнли Джевансъ—«Основы науки», стр. 692.

2) Акад. проф. Анри Пуанкаре. «Новая механика и эволюція законовъ». Переводъ Г. А. Гуревича. Москва. 1913 г.

3) «Принципы относительности», стр. 6--7.

воротъ въ формѣ. Развитіе средствъ сообщенія, паденіе вліянія быта, общность формъ жизни въ различныхъ государствахъ, уменьшеніе значенія границъ, попытки созданія международнаго языка, интернаціональность цѣлаго ряда организаций, обезличеніе властей, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ, чрезъ видоизмѣненіе ихъ въ анонимныя общества—все это является низшимъ, внѣшнимъ отраженіемъ духовнаго стремленія человѣчества къ синтезу, къ разрушенію единичныхъ формъ. Великая война, заливающая міръ океаномъ крови, сметающая народы и измѣняющая всю жизнь на землѣ, есть лишь слабый отзвукъ той великой борьбы, которая происходитъ въ сознаніи вселенскаго человѣчества, при столкновеніи двухъ великихъ эпохъ, безконечно разнствующихъ другъ съ другомъ.

«По закону раздѣленія историческаго труда, одинъ и тотъ же культурный типъ, одни и тѣ же народы не могутъ осуществить двухъ міровыхъ идей, сдѣлать два историческія дѣла, и если западная цивилизація имѣла своею задачей, своимъ міровымъ назначеніемъ осуществить отрицательный переходъ отъ религіознаго прошлаго къ религіозному будущему, то положить начало самому этому религіозному будущему суждено другой исторической силѣ».

Владиміръ Соловьевъ¹⁾.

Наше время—это сближеніе того, что еще такъ недавно казалось совершенно противоположнымъ, навѣки раздѣленнымъ непримиримостью противорѣчій. Наука и религія, столь долго имѣвшія лишь потенциальную связь черезъ философію, теперь все больше сходятся между собой и съ удивленіемъ констатируютъ единство міровоззрѣній. Какъ въ области позитивныхъ исканій разумъ сталъ уходить вглубь, въ исканіе синтеза, такъ и въ религіозной сферѣ люди стали уходить въ мистицизмъ, въ сокровенную сущность религіозныхъ ученій. Конечный синтезъ не можетъ не быть единымъ, а потому конечный мистицизмъ и конечный научный синтезъ оказываются неразрывно связанными другъ съ другомъ; оба они выливаются въ абсолютное ученіе, единое, но различно преломляющееся въ научный разумъ и разумъ религіозный.

«Тайны природы», говоритъ Іерофантъ Оракинъ, «тѣ же, что и тайны религіи, и можетъ существовать лишь единая доктрина, ибо существуетъ лишь одинъ принципъ существъ. Мы чувствуемъ импульсомъ нашего генія, что человѣкъ рожденъ для познанія, но мы также должны читать природу и качества существъ по ихъ оболочкамъ. Умѣть читать эти знаки есть первая степень науки. Но эта природа и эти качества имѣютъ сходство между собою, что надо также умѣть понимать, и эти знаки болѣе трудны для чтенія, что составляетъ вторую степень науки; но обнажить существа отъ ихъ оболочекъ, видѣть ихъ такими, каковы онѣ есть,—это послѣдняя степень науки и мало, кто этого достигаетъ. Тогда только человѣкъ дѣлается могущественнымъ и въ словахъ, и въ трудахъ»

Расколъ между религіей и наукой, основаніе которому было положено гуманистами, достигъ высшаго расцвѣта своего въ концѣ XIX вѣка; именно въ это время позитивизмъ и мистицизмъ стали противоположными полюсами человѣческаго мышленія, не только объявившими войну другъ другу, но и начавшими вовсе другъ друга игнорировать, что и является, конечно, высочайшей степенью непримиримости.

¹⁾ «Чтеніе I о Богочеловѣчествѣ», т. III, стр. 14.

²⁾ «La Tréscie, seul voie des sciences divines et humaines.» стр. 246.

Единство конечной истины не может не выливаться въ общую однообразность путей къ ней приближенія; при всей многообразности отдѣльных формъ, вся ихъ совокупность не можетъ не быть проникнута внутреннимъ единствомъ, связывающимся въ стройности и гармоничности совокупной системы всѣхъ отдѣльных путей. Позитивизмъ и мистицизмъ въ своихъ конечныхъ степеняхъ развитія приводятъ насъ къ познанію двухъ сторонъ человѣческаго духа, двухъ истоковъ его самоутверженія. Какъ тотъ, такъ и другой, въ своей истинной природѣ представляютъ собою осуществленіе основного стремленія духа человѣческаго познать себя какъ въ сущности, такъ и въ законмѣрности своей дифференцированной природы. Будучи въ этомъ аспектѣ сознанія тождественными, они являются въ другомъ аспектѣ противоположными другъ другу.

Позитивизмъ есть стремленіе человѣческаго духа сознать себя въ синтезѣ дифференціальной природы, созданномъ путемъ внѣшняго опыта въ міръ явленій. Въ силу этого, внѣшняя форма позитивнаго познания всегда объективна, т. е., иначе говоря, данные, критерій и сама законмѣрность заключеній въ немъ всегда непосредственно основывается и проистекаетъ изъ истины внѣшней—*міра явленій*. Въ полную противоположность этому, *мистицизмъ есть стремленіе человѣческаго духа сознать себя въ синтезѣ дифференціальной природы, путемъ внутренняго опыта, т. е. послѣдовательнымъ отождествленіемъ отдѣльных аспектовъ своего Я съ явленіями внѣшняго міра и утвержденіемъ послѣднихъ, какъ феноменовъ, проистекающихъ изъ нуминальнаго духа и по сему имѣющихъ лишь иллюзорное бытіе по закону среды.* Въ силу этого, внѣшняя форма мистическаго познания всегда адекватна, т. е., иначе говоря, данные, критерій и сама законмѣрность заключеній въ немъ всегда непосредственно основывается и проистекаетъ изъ истины внутренней—изъ непосредственнаго самосознанія духа. Оба вида самосознанія взаимно дополняютъ и утверждаютъ другъ друга; въ отдѣльности каждый изъ нихъ имѣетъ лишь относительную свободу, ибо развитіе сознанія духа въ двухъ соответствующихъ аспектахъ стремится быть параллельнымъ и допускаетъ лишь дифференціально малыя колебанія. Совершенный человѣкъ долженъ одинаково слѣдовать по обоимъ путямъ, совмѣщая ихъ въ полной гармоніи. Истинный Магъ одинаково всевѣдущъ, какъ въ области мистики, такъ и въ области позитивныхъ знаній, и именно совмѣщеніе этихъ двухъ теченій человѣческой мысли есть признакъ, опредѣляющій самое понятіе о Магѣ¹⁾. Будучи въ своей истинной природѣ неразрывными, позитивизмъ и мистицизмъ въ лицѣ своихъ представителей черезъ обоюдное непониманіе разошлись между собой. Въ сущности говоря, это расхожденіе было только видимымъ, иллюзорнымъ, ибо отъ человѣка не зависитъ сущность явленій и онъ можетъ измѣнять лишь кличку. Уйдя цѣлкомъ во внѣшнюю форму этихъ основныхъ теченій человѣческой мысли и не желая не только воспринимать, но и даже слышать другого ученія, представители позитивизма и мистицизма породили каждый въ ихъ собственной средѣ раздѣленіе вполне подобное тому, которое утверждаетъ позитивизмъ и мистицизмъ въ области самаго духа.

¹⁾ Магъ, греческое μάγος происходитъ отъ зендскаго mog, mogbed или mobed. Mog значитъ священнослужитель на pehlvi или huzvāresh—языкъ, который замѣнилъ зендскій языкъ въ Маздеизмѣ въ эпоху Sassanides (Keukler. «Zend-Avesta». Anhang II, 3, § 30). На зендскомъ языкѣ meh, mah, произносимое megh, magh, значитъ «великій», «совершенный». (Anquetil-Duperron. «Zend-Avesta». t. II, p. 555). Тотъ же корень мы видимъ въ халдейскомъ языкѣ—man—значитъ «могучій», «всецѣлующій»—см. Fabre d'Oliver «Histoire Philosophique du Genre Humain». Paris, bibliothèque Chacornac. 1910. T. I. pp. 307—308.

Первоклассные представители позитивной науки не могли не чувствовать мистического пути, но эти свои переживания они или вовсе скрывали, или оставляли въ неразработанной формѣ; таковы, напримѣръ, Ньютонъ, Паскаль, Кеплеръ, Декартъ и многіе другіе. «Лишь малое знаніе удаляетъ отъ Бога, большое вновь приближаетъ къ Нему» — сказалъ первый изъ нихъ, и этимъ запечатлѣлъ общезвѣстный историческій фактъ, что всѣ великіе люди науки и исторіи были людьми вѣрующими. Эти гиганты позитивной мысли представляютъ собою *мистическій полюсъ позитивизма*.

Второстепенные работники въ области позитивныхъ наукъ сплошь да рядомъ запутывались въ грандіозности и многообразности міра явленій и забывали среди этого многообразія даже о своемъ собственномъ испущенъ духъ. Если титаны науки, во всеоружіи знанія, стремились подняться къ нему, то ея ремесленники порой начинали видѣть небо тамъ, гдѣ оканчивалась чувствительность ихъ измѣрительныхъ приборовъ. Они не поняли природу синтеза, воспринимаемого чрезъ безпрестанное увеличеніе глубины понятій и переходъ къ высшему по аналогіи, безъ нарушенія природы категорій, они сочли за синтезъ *суммарности*, они опредѣлили его какъ агрегатъ единичныхъ законовъ. Сюда относятся представители quasi—раціоналистическихъ школъ матеріализма и атеизма, какъ, напримѣръ, Бюхнеръ ¹⁾, Геккель ²⁾, Штраусъ ³⁾ и другіе; въ своей совокупности они и представляютъ *позитивный полюсъ позитивизма*.

Истинные носители мистическаго знамени, познававшіе міръ непосредственнымъ духовнымъ сознаніемъ, исторіи неизвѣстны. Ихъ величіе и истинная жизнь раскрываются лишь изъ эзотерическихъ преданій и символовъ, изъ того несказуемаго обаянія, которое эти адепты имѣли, какъ въ свое время, такъ и на пути послѣдующихъ вѣковъ, на все человѣчество; таковы невѣдомые Мудрецы Гималаевъ и таинственные Иерофанты Египта. Мы не знаемъ ихъ собственной жизни, ихъ собственныхъ стремленій и достиженій, но по грандіозности ихъ свѣтоноснаго вліянія на человѣчество, мы можемъ мысленно представить себѣ всю необъятность ихъ собственнаго величія. Они жили внѣ и надъ жизнью, но ничто не проходило безъ ихъ таинственнаго вліянія, они постигли вполне великій даръ незримаго управленія умственной жизнью человѣчества чрезъ ослѣпительный блескъ возвышенныхъ ими скрижалей Вѣковѣчной Правды. Эти истинные адепты мистицизма представляютъ его *положительный полюсъ*.

Подобно позитивизму, среди мистиковъ послѣднихъ вѣковъ, огромное большинство всецѣло погрузилось въ міръ явленій. Но несмотря на тождество изучаемой ими природы, позитивисты позитивизма и позитивисты мистицизма подходили подъ различными углами зрѣнія. Зная духъ и всеобъемлемость его царствованія, мистики не могли всецѣло увлечься формами и явленіями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они, подчасъ, невольно забывали свою конечную цѣль, и цѣликомъ силы свои посвящали разработкѣ конкретныхъ вопросовъ. Идя дедуктивнымъ путемъ, мистики переходили къ изученію дифференціальной природы и настолько увлекались ею, что ихъ изслѣдованія теряли всякую связь съ синтезомъ и, съ внѣшней стороны, они стали вполне подобными узкимъ позитивистамъ. Сюда относится громадное большинство какъ средневѣковыхъ, такъ и современныхъ мистиковъ; въ своей совокупности они и представляютъ собою *отрицательный полюсъ мистицизма*.

¹⁾ «Сила и Матерія». Проф. д-ра Людвигъ Бюхнера. Переводъ Н. Полилова. СПб. 1907.

²⁾ Проф. д-ръ Эрнстъ Геккель. «Борьба за свободу мысли». СПб. 1907.

³⁾ Давидъ Фридрихъ Штраусъ. «Старая и новая вѣра». СПб. 1906.

Резюмируя изложенное, мы видимъ, что представители эволюціонирующей человѣческой мысли раздѣлились на четыре большія группы, чрезъ расчлененіе позитивизма и мистицизма, въ свою очередь, на два полярно противоположныхъ полюса. Низшей группой являются представители позитивнаго позитивизма, затѣмъ слѣдуетъ мистическій позитивизмъ, потомъ позитивный мистицизмъ и, наконецъ, мистическій мистицизмъ.

Представители позитивнаго позитивизма потерпѣли полное фіаско силою самаго хода эволюціи позитивной науки, какъ мы это показали въ началѣ настоящаго предисловія. Можно сказать, что эта группа существуетъ лишь въ историческомъ прошломъ, теперь ея вовсе нѣтъ и сомнѣваться въ этомъ можетъ лишь тотъ, до чьихъ ушей не дошли величайшія открытія человѣческаго генія за послѣднюю четверть вѣка. Школа позитивнаго мистицизма открыто стала провозглашать то, что еще такъ недавно осмѣивалось самовлюбленнымъ невѣжествомъ. Соединивъ въ себѣ весь опытъ позитивныхъ изысканій человѣчества, эта школа, вмѣстѣ съ тѣмъ, идетъ полнымъ ходомъ къ сліянію съ адептами мистицизма. Цѣлый рядъ извѣстныхъ ученыхъ убѣждены только одной логикой своихъ опытовъ въ реальности многого изъ сферы мистики; таковы, напримѣръ: Круксъ, Руссель Уемсъ и Маріанъ въ Англіи, Карлъ Дюпрель и Цельнеръ въ Германіи, Эдландъ и Турнебонъ въ Швеціи, Ломброзо и Кіаіа въ Италіи, Фламмаріонъ, де Роша и Густавъ Лебонъ во Франціи и много другихъ. Если Круксъ со своей Книги Книгъ еще могъ быть осмѣянъ за то, что при свѣтѣ позитивнаго знанія онъ открыто рискнулъ коснуться области Невѣдомаго, то нынѣ такіе блестящіе представители науки, какъ Рёзерфордъ, Вилльямъ Рамзай ¹⁾ и Содди, открыто занимаются изслѣдованіемъ превращеній химическихъ элементовъ и самой дематеріализаціи матеріи, т. е. исполненіемъ заветной мечты алхимиковъ, окруженные почтительнымъ молчаніемъ позитивистовъ міра.

«For I wish to point out that the emotional creed of educated men is becoming divorced from their scientific creed; that just as the old orthodoxy of religion was too narrow to contain mens knowledge, so now the new orthodoxy of materialistic science is too narrow to contain their feelings and aspirations, and consequently that just as the fabric of religious orthodoxy used to be strained and overpassed in order to admit the discoveries of geology or astronomy, so now also the obvious deductions of materialistic science are strained and overpassed in order to give sanction to feelings and aspirations which it is found impossible to ignore».

Myers ²⁾).

Если позитивный позитивизмъ уже окончательно выполнилъ задачу свою и потому ушелъ въ царство тѣней, то мистическій позитивизмъ еще сохраняетъ жизненность, заканчивая свою миссію, однако и его дни уже сочтены. Мистицизмъ среднихъ и новыхъ вѣковъ въ Европѣ вылился въ совершенно особую форму,

¹⁾ См. его новѣйшія изслѣдованія надъ эманацией радія и превращеніемъ мѣди въ литій.

²⁾ Introduction to «Phantasms of the living». (Published by the London Society for Psychological Research).— «Мнѣ хочется указать на то, что духовный міръ культурнаго человѣка нынѣ отдѣляется отъ его научнаго кругозора; что какъ въ былое время рамки религіозной догматики были слишкомъ узки для вмѣщенія человѣческаго знанія, такъ нынѣ догматика научнаго материализма слишкомъ тѣсна для вмѣщенія всѣхъ чувствъ и потребностей человѣка. А потому, какъ религіозныя данныя растягивались и выпирались, чтобы дать мѣсто открытіямъ геологіи или астрономіи, такъ и нынѣ заключенія материалистической науки растягиваются и вытѣсняются, чтобы дать мѣсто такимъ чувствамъ и стремленіямъ, игнорировать которыя уже нѣтъ возможности».

присущую лишь ему одному и резко отличающую его от мистицизма древняго міра. Первое, что прежде всего бросается въ глаза—это отсутствіе самодовлѣющей философіи. Если исторія древности есть исторія философскихъ системъ, то, наоборотъ, весь европейскій мистицизмъ проникнутъ привязанностью къ семитической космогоніи, поистинѣ достойной лучшей участи. Европейскимъ мистицизмомъ не было создано ничего самобытнаго, такъ и того, что хоть сколько-нибудь относилось къ міру причинъ. Онъ не только забылъ всю многокрасочность древнихъ эзотерическихъ ученій, но даже потерялъ память о философско-религіозныхъ системахъ Индіи, дойдя до полного игнорированія всего, что не заключалось въ *мистицизмъ габраизма*¹⁾. Въ усилія средневѣковыхъ и новѣйшихъ мистиковъ сводились къ разработкѣ конкретныхъ вопросовъ, единичныхъ теорій, но и эти изысканія они невѣдомо зачѣмъ покрывали столь густымъ покровомъ эзотеризма, что, воистину можно сказать,—легче самому возсоздать любую изъ мистическихъ теорій, чѣмъ дешифровать многотомные и туманные фоліанты новѣйшихъ мистиковъ²⁾.

При сравненіи между собой дошедшаго до насъ древняго мистицизма, хотя бы Пуранъ и Упанишадъ Индіи, съ темными хитросплетеніями Парацельса, Постеля, Этейлы и другихъ, невольно бросается въ глаза, что въ то время какъ древность гласитъ какъ живой глаголъ, власть имѣющей, такъ, наоборотъ, у новѣйшихъ мистиковъ духъ живой давно отлетѣлъ. Трепетно жаждавшій конечной и абсолютной Истины, древній индусъ уходилъ въ нѣдра своего чистаго духа, сокращалъ все свое существо въ единый волевой синтезъ, забывалъ свою личность и на могучихъ крыльяхъ гордаго самосознанія своего «Я» воспарилъ въ безбрежный океанъ Единого Вселенскаго Духа, грезящаго о Своей Майѣ, вѣчно измѣнивой, вѣчно трепещущей совокупности безконечныхъ свойствъ, потенциальныхъ формъ,—различныхъ модусовъ Его Самосознанія. Индусъ отвергалъ все, онъ искалъ одну лишь Реальность, онъ стремился къ ней и онъ ее находилъ! Древній индусъ, какъ и древній египтянинъ, своимъ духомъ плавалъ въ вѣчности, онъ наслаждался счастьемъ предвосхищенія конечнаго достоинства Божественнаго Совершеннаго Человѣка, себя во всемъ сознаващаго, себя во всемъ утвердившаго, отъ всего отрешающагося, погружившагося въ Ничто и ставшаго Всѣмъ. Индусы и египтяне любили науку, но ихъ знаніе было самой жизнью; отвергая форму въ принципѣ, они умѣли реализовать свои воззрѣнія и могучимъ духомъ своимъ они спели се въ иллюзію совершенную. Ихъ наука, ихъ знаніе были оплотомъ свободы, они наполняли ихъ духъ просторомъ великимъ, давали ключъ къ реальнымъ законамъ, давали реальную власть.

«Даже самая возвышенная философія европейцевъ, идеализмъ разума, выдвинутый греческими философами кажется въ сравненіи съ обильнымъ свѣтомъ и силою восточнаго идеализма, какой-то маленькой Прометеевой искрой, слабой, дрожащей и всегда готовой погаснуть среди цѣлаго наводненія божественнаго сіянія полуденнаго солнца».

Шлегель.

¹⁾ См. «La Doctrine Secrète. Synthèse de la science, de la religion et de la philosophie» par H.-P. Blavatsky. Paris. 1909. Traduction française, 5-e volume, section XX. «La Goutta Vidya oriental et la Kabale».—p. p. 179—181.

²⁾ «Это все равно, что вылавливать драгоценный жемчугъ изъ соленой и мутной воды. Его, правда, находишь, но приходится выкидывать его при слишкомъ уже странныхъ и документныхъ условіяхъ».—В. Виндельбандъ. «Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками» переводъ подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. СПб. 1913. томъ первый, стр. 93.

«Ведантъ принадлежит особое, единственное мѣсто между системами философіи всего міра. Возвысивъ «Себя» человѣка или истинную природу Эго, Веданта связываетъ его съ Сущностью Божества, Которое безусловно Непорочно, Совершенно, Безсмертно, Неизмѣнимо и Одно. Ни одинъ философъ, ни даже Платонъ, Спиноза, Кантъ, Гегель, или Шопенгауеръ не достигли такой высоты философской мысли Ни одинъ изъ философовъ, не исключая Гераклита, Платона, Канта или Гегеля, не отважился воздвигнуть такой высокій монументъ, на вершинѣ котораго уже не страшны ни бури, ни молніи. Камень слѣдуетъ тамъ за камнемъ въ строгой послѣдовательности, послѣ того, какъ однажды первый шагъ былъ сдѣланъ, послѣ того, какъ однажды ясно было усмотрѣно, что вначалѣ могъ быть только Одинъ, подобно тому, какъ и въ концѣ будетъ только Одинъ, назовемъ ли Его Атманомъ или Браманою».

Максъ Мюллеръ.

«Нѣтъ ничего болѣе возвышеннаго и благодѣтельнаго для человѣчества, чѣмъ изученіе Упанишадъ. Онѣ были утѣшеніемъ въ моей жизни и будутъ утѣшеніемъ въ моей смерти».

Шопенгауеръ.

Европейскіе мистики нашей эры были истиннымъ олицетвореніемъ безсилія. Изъ устъ въ уста они передавали древнія, какъ міръ, тайны, старательно оберегая ихъ отъ непрошенныхъ любопытныхъ взоровъ, наивно и дерзновенно думая, что сохраненіе истины и незапятнанность ея грубыми руками невѣждъ можетъ зависѣть отъ ихъ личныхъ дѣйствій. Таинственность превратилась для нихъ въ забаву; эзотеризмъ всякой истины, какъ естественнаго удѣла лишь призванной аристократіи духа, былъ понятъ ими какъ скрывать кладъ отъ хищниковъ; они сберегли этотъ кладъ, но годы пребыванія его въ землѣ сдѣлали свое дѣло, и когда они попытались впервые отрыть его, то невольно убѣдились, что все истлѣло. Скрывая, они могли скрыть лишь отъ себя самихъ, они сдѣлали это и поэтому стали посмѣшищами своего рока.

Религія раздѣляется на внѣшнюю и внутреннюю, равно и школы Премудрости раздѣляются на внѣшнія и внутреннія; внѣшнія владѣютъ буквой іероглифовъ, а внутреннія—духомъ и смысломъ; внѣшняя религія соединяется съ внутреннею обрядами, внѣшняя школа мистерій соединяется съ внутреннею іероглифами. Сыны Истины! Существуетъ лишь Единый Орденъ, Единое Братство, Единый Союзъ Единомышленниковъ, цѣль которыхъ овладѣть Свѣтомъ, и только неразуміе воздвигло изъ этого центра безчисленное множество орденовъ. Множественность лежитъ въ обрядахъ внѣшняго, а Истина только во внутреннемъ. Многочисленность братствъ зависитъ отъ разнообразій іероглифическихъ толкованій, согласно времени, нуждамъ и обстоятельствамъ; истинное же Собратство Свѣта можетъ быть только Единымъ. Всякія ошибки, всякіе расколы, всякія недоразумѣнія, все, что въ религіяхъ и тайныхъ обществахъ даетъ поводъ къ столькимъ заблужденіямъ, относится исключительно къ буквѣ, а духъ остается неприкосновеннымъ и святымъ. Все это относится къ внѣшнему покрову, на которомъ написаны іероглифы, церемоніи и обряды и нисколько не касается внутреннего. Наше желаніе, наша цѣль, наша обязанность—оживить всюду мертвую букву, всюду придать душу іероглифамъ, а безжизненнымъ знакамъ живую истину, всюду слѣдять бездѣйтельное дѣйственнымъ, а мертвое живымъ. Но все это мы способны совершить не сами по себѣ, а духомъ того свѣта, который является Премудростью, Любовію и Свѣтомъ Міра, и который желаетъ стать нашимъ духомъ и нашимъ свѣтомъ. До сихъ поръ самое внутреннее святилище было отдѣлено отъ храма, а храмъ осаждался находящимися въ преддверіи; наступаетъ время, когда внутреннѣйшее святилище должно соединиться съ храмомъ, чтобы находящіеся въ храмѣ могли воздѣйствовать на тѣхъ, кто въ преддверіи, пока преддверія не будутъ отброшены во вѣкъ. Въ нашемъ тайномъ святилищѣ всѣ мистеріи Духа и Истины сохранились въ чистотѣ и никогда оно не могло быть осквернено профанами или запятнано нечестивыми. Святилище это не видимо, какъ не видима сила, познаваемая лишь по ея дѣйствию. Въ нашей школѣ можно всему